

Зелезинская Наталья Станиславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Natalya Zelezinskaya
Associate Professor at the Department
of the Theory and Practice of Translation
Belarusian State University
Minsk, Belarus
zelennew@tut.by

ЭТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОБЛЕМНОГО РОМАНА О ПОДРОСТКАХ С АУТИЗМОМ

THE ETHICAL FIELD OF THE PROBLEM NOVEL ABOUT TEENAGERS WITH AUTISM

В статье рассматривается типичный для англоязычной подростково-молодежной литературы образ подростков с расстройством аутистического спектра. Автором осуществлен выход за пределы традиционных тем литературоведческих исследований на материале произведений о людях с особенностями. Анализ образов романов К. Летте, М. Хэддона и Дж. Пиколт в свете философских концепций инаковости Э. Левинаса, М. Бубера, Ю. Хабермаса и идентичности позволяет перестроить привычную систему персонажей, сфокусировать внимание на изображении актуальных проблем современности, как то недостаток подлинного общения, ценность эмпатии, определение любви через ответственность, размывание ментальных бинарных оппозиций и т.п. В статье выявляются характерные для данной группы романов мотивы: поиска истины, самоопределения/поиска себя, лжи и вины. В качестве особенностей их поэтики указывается на наличие детективной сюжетной линии, прием вненаходимости автора и героя, нарушение принципов диалогизма, доминирование. Избранная перспектива позволяет очертить этическое поле современной подростково-молодежной литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; мотив; подростково-молодежный роман; этическое поле романа; проблема героя; инаковость; идентичность; Я и Другой; аутизм; Э. Левинас; М. Бубер.

The article deals with the image of a teenager with the autism spectrum disorder, which is typical of Young Adult literature of the 21st century. These images are viewed in the light of the philosophical concepts of identity and otherness, which provides the author with a new and contemporary vision of the motifs and ethical problems in the novels about autistic teenagers, such as the lack of genuine communication, the value of empathy, the definition of love through responsibility, the destruction of mental binary oppositions, etc. Consideration of the categories of Self and the Other in K. Lette's, M. Haddon's, J. Picoult's novels in the light of philosophical concepts of E. Levinas, M. Buber, J. Habermas allows to reconstruct the traditional system of characters, to go beyond the traditional topics of literary studies. The article reveals the motifs characteristic of this group of novels: the search for truth, self-determination/search for oneself, lies and guilt. The features of their poetics include the presence of a detective plot line, the technique of the 'outsidedness' of the author and the hero, violation of the principles of dialogism, dominance. This approach allows to outline the ethical field of contemporary Young Adult literature.

Key words: genre; motif, Young Adult novel; the ethical field of the novel; the problem of the hero; otherness; identity; the Other and Me; autism; E. Levinas; M. Buber.

В литературе США и Великобритании второй половины XX – начала XXI вв. образ героя-подростка пользовался неослабевающей популярностью, несмотря на постоянное развитие образа и его значительное преобразование за 80 лет существования подростковой литературы. Особенно наглядна диахронизация образов подростков при выявлении предпочтительной формы самоощущения инаковости героя по отношению к Я (то есть при рассмотрении того, насколько герой романа (не)отличается от «нормального» подростка в собственных глазах; насколько герой (не)отличается от других героев-подростков в их глазах или в глазах взрослых героев и по каким критериям выявляется инаковость – данный ракурс позволяет говорить о понимании инаковости как извне, так и изнутри, а также позволяет исследователю сконцентрироваться не на одном объекте, а на модусе отношений между объектами – более подробно мы будем говорить об отношениях «Я – Другой» при анализе произведений).

Первоначальный интерес к подростковой социальной группе был вызван изменением ее экономической роли в ходе Второй мировой войны (когда подростки стали выполнять мужскую работу) и ростом внимания к ней со стороны антропологов, культурологов и психологов (см. теорию рекэпитуляции С. Холла, теорию трех ступеней развития К. Бюллера, теорию психосоциального моратория Э. Эриксона и культурно-исторический подход Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина). Происходит становление возрастной психологии. Благодаря исследованиям приходит понимание инаковости подростка: мысль, что подросток отличается от взрослых и отличается от ребенка, становится достоянием массового сознания. Подростковые авторы исследуют эту другость по отношению к обоим мирам (и взрослых, и детей), при этом Я также претерпевает изменения внутри системы «Я – Другой» (читатель-подросток выделяется как феномен также только после Второй мировой войны). В значительной мере литературные новшества были подготовлены философией и эстетикой модернизма. Упоение своей инаковостью как открытием ярко выражено уже в образе Стивена Дедала. В романе Джойса эта характеристика протагониста возводится в абсолют: он отличен не только от взрослых, но и от сверстников, а способом развития образа Стивена и движущей силой сюжета становится двувекторный процесс установления собственной другости (необыкновенности).

По мере осознания децентрализации общества и парадигмальности его структуры все значимее становится изображение противостояния различных социальных групп. Другость подростка авторы чаще описывают не в терминах личности и индивида, но как единицы сообщества (см. «Изгой» С. Хинтон (1967) и др.). Героизированный и слащавый образ романов о школе и школьниках, справляющихся с любыми проблемами, сменяется более реалистичными персонажами в 1970–90-х. В романе С. Таунсед «Дневники Адриана Моула» главный герой закомплексован, но, несмотря на это, Адриан считает себя удивительно одаренным, из-за чего окружающие часто не восприни-

мают его всерьез. Это один из первых романов, в котором дружность не противоречит обычности, и обе характеристики способствуют самоидентификации героя.

В XXI в. при усвоении ценностей *новой этики*¹ и переосмыслении иерархических структур, обычность героя гиперболизируется («Дневник слабака» Дж. Кинни, «Хорошо быть тихоней» С. Чбоски и другие). Возможности репрезентации принципа многообразия в подростковом романе оказываются практически неисчерпаемыми. М. Кервуд указывает на дихотомию «нормальность – отклонение от нормы» (normality – disability) как на ключевую характеристику подросткового романа XXI в. [1, p. 22]. Отклонение от нормы в рассматриваемом образе может быть представлено подростками с тяжелыми болезнями («Винноваты звезды» Дж. Грина), особенностями физического, психического и умственного развития («Природные катаклизмы» Х. Джонсон), лишним весом или анорексией («Зимняя девушка» Л. Х. Андерсон), положением эмигранта, беженца («Не задавай мне вопросы» М. Будхос), принадлежностью к национальным и сексуальным меньшинствам («Абсолютно несомненно нет» Д. Ларошель).

Образы подростков с расстройством аутического спектра представлены в романах «Домашние правила» Джоди Пиколт – объекте данного исследования, а также «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона, «Мальчик, который упал на Землю» Кэти Летт (привлекающихся в качестве дополнительных объектов исследования). При этом центральным мотивом этих проблемных подростково-молодежных романов является дезадаптация особенных детей. Практически все литературоведы при анализе романов фокусируются на вышеупомянутом аспекте [1; 2], на проблеме героя [3; 4] либо на связи социального и телесного [5]. Однако данный вопрос хорошо проработан обществом, живущим по принципам новой этики: в работе психологов, в создании безбарьерной среды, в воспитании толерантности, в политике инклюзивности, что отражено в этих и многих других художественных произведениях с этим мотивом. Многие из них повествуют о постоянной борьбе за права ребенка-аутиста, о преодолении общественного презрения, отторжения сверстниками, непонимания и нежелания понимать. Однако в каждом из романов показан определенный прогресс в борьбе с негативным отношением общества, во-первых, благодаря тому, что мать и сын чему-то учатся и развивают свои навыки, во-вторых, благодаря готовности общества к принятию. Таким образом, проблема социализации является решаемой, не теряя при этом своей актуальности.

---

¹ *Новая этика* – широкое понятие массовой культуры XXI в., объединяющее новые способы взаимодействия с миром. Понятие *новая этика* очень широкое и включает в себя сразу несколько аспектов, такие как борьба против дискриминации (расизма, сексизма, эйджизма, эйблизма и пр.), борьба против сексуализированного насилия и харассмента, культура отмены, отстаивание социальной справедливости, например, соблюдение политики разнообразия в кинокастингах или при формировании рабочего коллектива крупной компании.

Сегодня принятие многообразия как значимой составляющей «новой этики» позволяет людям с психическими заболеваниями, умственными дисфункциями и физической недостаточностью не только действовать наравне с другими, но даже повышать свой статус за счет отличности от других: *Одна из причин, по которой я рад, что у меня синдром Аспергера, – мне не хватает воображения. Многие – учителя и школьные психологи, даже психиатры – считают это дефектом. Я же считаю отсутствие живого воображения счастьем. Логическое мышление не позволяет тратить время впустую на тревоги или надежды. Оно уберегает от разочарований. С другой стороны, воображение заставляет человека волноваться о том, чего в реальной жизни может никогда и не случиться*¹ [6]. Смысловые пары «логика – воображение», «рассудок – эмоция», «правила – хаос» актуальны для всех романов об аутистах. Люди с аутизмом – прекрасные математики и великолепно ладят с цифрами, последовательностями и причинно-следственными связями, тогда как остальной мир видится им хаосом непредсказуемых эмоций. В «Загадочном ночном убийстве собаки», в «Мальчике, который упал на Землю» и в «Домашних правилах» протагонисты разграничивают правила, установленные кем-то, и коммуникативные правила, познаваемые спонтанно: *Вот чего мне не понять никогда, так это неписанные правила, которые другие люди, похоже, улавливают интуитивно, как будто обладают неким социальным радаром – устройством, которое в моем мозгу отсутствует* [Там же]. Идеальная жизнь в представлении аутистов – это алгоритмизация и кодификация всего на свете, от еды до выражения лиц, но эти мальчики осознают утопичность такого мира: *Простые числа похожи на жизнь. Они очень логичные, но вы никогда не сможете выработать для них правила, даже если будете постоянно думать только об этом*² [7].

Но проблемный роман больше интересуется неразрешенными проблемами социума³, поэтому исследовательский ракурс необходимо сдвинуть в эту сторону. В рассматриваемых нами романах поставлен не только вопрос об инклюзивности, о признании ее необходимости и возможности, но и наоборот – об ответной реакции подростка, который по природе своего заболевания невосприимчив к огромному спектру человеческих эмоций и отношений. Таким образом, центральный мотив романа апеллирует к философским категориям идентичности и инаковости. В отечественном литературоведении проблему дружости в романах про аутистов затрагивал Д. О. Половцев [3].

---

¹ Пер. И. Паненко приводится по: *Пиколт, Дж.* Последнее правило / Дж. Пиколт. – М. : Клуб семейного досуга, 2011. – 576 с.

² Перевод А. Куклей приводится по: *Хэддон, М.* Загадочное ночное убийство собаки / М. Хэддон. М. : Рама Пабблишинг, 2017. – 272 с.

³ Проблемный подростковый роман сконцентрирован на глобальных нерешенных проблемах современного общества, как то биоэтика, теракты, подростковые самоубийства, домашнее насилие, в условиях которых приходится выживать подростку.

В «Новейшем философском словаре» *Другой* определяется как «понятие философии XX века, фиксирующее <...> опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей, тем не менее, Иное по отношению к Я» [8, с. 226]. То есть понятие *Другой* указывает на некую сущность, по отношению к которой оно является Другим. Понятие такой сущности и отправной точки есть понятие *Я*. Следовательно, Другой – это то, что не есть Я, но представленное в отношении ко мне. Дж. Пиколт в «Домашних правилах» показывает нарушение идентичности и самоидентичности героя. Джейкоб не согласен с ярлыками: *Не я аутист. У меня аутизм, а еще у меня каштановые волосы и плоскостопие. Поэтому я не понимаю, почему меня всегда называют «ребенок с синдромом Аспергера»* [6]. Однако при этом Джейкоб не может определять себя вне синдрома Аспергера: *Я начинаю думать, что сделал что-то дурное. Не зная, как с этим справиться, я беру пульт и перематываю кассету прямо на начало, к тому времени, когда я был таким, как все* [6]. Как указывал Ю. Хабермас, идентичность личности «невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» [9, с. 125]. Однако самоидентификация Джейкоба болезненно подчинена существующим в социуме понятиям о норме и отклонениях, Другой для него – не конкретная личность, а набор традиционных представлений, поэтому его выход к Другому не приводит к подлинному общению и не способствует раскрытию и развитию собственных сил, формированию самости.

Идентичность и инаковость тесно взаимосвязаны: психические процессы основываются на отношениях, а структура личности является отображением этой совокупности отношений. Аутист же не способен на эмпатию сам и не воспринимает ее в людях (*Люди мне непонятны* [10, р. 19]). Все проявления чувств он воспринимает через призму разума и вынужден считывать реакции Другого и соотносить с выученной ранее таблицей, чтобы правильно отреагировать на чувства других людей. Отсюда очевидно, что инклюзия людей с аутизмом в гуманистическом обществе осуществляется не благодаря, а вопреки их особенностям, другими словами, аутисты не способны как раз к тому аспекту человеческих отношений, который и обеспечивает инклюзию: *Думаю, больше всего в сыне мне не хватает одного: сочувствия. Он боится задеть мои чувства, боится расстроить, но это не интуитивное сопереживание чужой боли* [6].

Исходный ракурс восприятия Я через Другого и в Другом позволяет увидеть, что Джейкоб является не единственным центральным персонажем «Домашних правил», а скорее пусковым механизмом конфликта, вовлекшего Эмму, Джейкоба, Тео и частично Оливера. Следовательно, методология анализа образов тоже требует коррекции. Мы полагаем, что наиболее плодотворным подходом станет попытка взглянуть не на самих героев, но на отношения между ними, поскольку философия современного подростково-

молодежного романа предполагает осознание того, что главной составляющей человеческого существования является диалог, а основной аксиологической ценностью, заявленной жанром, – эмпатия. Поскольку последнее условие не может быть выполнено для героя-аутиста, проблемный подростково-молодежный роман, в котором развивается мотив особенного героя, решает принципиальный вопрос о (не)возможности «подлинного общения».

В «Домашних правилах» описаны мельчайшие детали общения Джейкоба с младшим братом, Джейкоба с мамой, Джейкоба с Джесс, пунктиром обозначена некрепкая связь мальчиков с отцом, намечены отношения Эммы и Оливера. Практически для каждой такой пары рано или поздно напрашивается вывод, что взаимопонимание возможно если не через саму эмпатию, то через сознательное развитие отдельных практик, из которых складывается эмпатия (забота, уступки, слушание, внимание, терпение, толерантность). Симптоматично, что единственный дипломированный специалист по проблемам аутистического спектра в романе добивается успеха в общении с Джейкобом не в результате применения теории, выученной во время учебы и психиатрической практики, а в результате умения поставить себя на место Другого: *Джесс – красавица, хотя она уверяет, что так было не всегда. После операции два года назад она изрядно похудела. Я видел фотографии, какой она была толстой. Джесс говорит, что именно поэтому хочет работать с детьми, чья ограниченная дееспособность делает их посмешищем, – она помнит, каково было ей самой* [6].

Невосприятие Другого к проявленной эмпатии – серьезный вызов. Повторение неудач, перманентное чувство фрустрации, ощущение бессилия, отсутствие прогресса ставят под сомнение идентификацию Люси как матери. Она не только не чувствует свою состоятельность, но и осыпает себя упреками в болезни сына: *И тут меня накрыло муками самоедства. Может, я съела что-то не то, пока ходила беременная? Домашний творог? Суши?.. Стоп, стоп! Может, я не съела что-то то?*¹ [7, р. 15].

Нарушение самоидентификации неизбежно вызывает нарушение целостности личности. *Иногда мне кажется, что сердце человека – просто полка. На нее многое можно положить, но, случается, полка не выдерживает груза – и человеку остается подбирать обломки* [6]. Неуверенность и фрустрация распространяется на другие сферы жизни и другие интересы Эммы (матери Джейкоба), Люси (матери Мерлина), Джуди (матери Кристофера). Сначала приходит осознание того, что не только ребенок, но и сама героиня является не такой как все, а позже – понимание, что это

---

¹ Перевод Ш. Мартыновой приводится по: *Летт, К. Мальчик, который упал на Землю / К. Летт. М. : Фантом Пресс, 2012. – 416 с.*

необратимое состояние, которое нельзя перерасти или изменить: *У тебя не только есть ребенок, у тебя всегда будет ребенок. В смысле, твой ребенок никогда не станет мужчиной, он станет великанским ребенком. С психологической пуповиной, приделанной к твоей жизни* [7, р. 38].

То, что вся ее жизнь будет вращаться вокруг сына, пугает Люси полной подчиненностью ее личности одному лишь полю деятельности, при этом самому неуспешному полю, поскольку, как мы уже отметили, роль матери уже осознана как неудавшаяся и проигранная. Остальные роли просто не смогут реализоваться, ведь ни у Люси, ни у Эммы, ни у Джуди не будет возможности уделить достаточно времени и внимания самой себе, чтобы реализовать свои мечты, например, написать книгу, или получить повышение на работе, или просто общаться с друзьями: *Изоляция. Заикливание на одном определенном предмете. Невозможность общаться с окружающими. Диагноз поставлен Джейкобу, но у меня, по всей видимости, тоже синдром Аспергера* [6]. Исходя из утверждения о том, что структура личности определяется набором разновекторно выраженных Я-функций, вместе составляющих идентичность, мы наблюдаем не только процесс разиндефикации, но и деструкцию личности в целом.

Возвращаясь к определению Другого как понятия, фиксирующего опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей иное по отношению к Я, обратим внимание на условие подобия. Если мама не ощущает свое подобие с другими мамами, она не может ощущать и свое отличие от них. В романах «Мальчик, который упал на Землю» и «Домашние правила» мы наблюдаем, как мать со временем начинает идентифицировать себя с мамами детей-аутистов, а не с мамами вообще или женщинами в целом. Показательно, что встреча со второй женой бывшего мужа не наполняет сердце Эммы той горечью, которую мы могли бы ожидать – жена отца сыновей для нее слишком другая. Долгое время она не способна воспринимать всерьез и пылкие чувства Оливера, сознательно и подсознательно отказывая себе в проявлениях женственности и сексуальности.

Однако разрушительные процессы не заиклены на паре «мама – ребенок с аутизмом», а затрагивают любого, кто находится в отношениях с любым участником этой пары. Из трех рассмотренных в романах семей нет ни одной полной: отец Мерлина бросает семью, отец Джейкоба бросает семью, Кристофера бросает мать, затем его доверие предает отец, мальчик бежит в Лондон к матери и отвергает отца. Таким образом, во всех трех романах показано выпадение одного родителя как «лишнего» в паре «мать – ребенок» или «отец – ребенок» по целому ряду причин, также непосредственно связанных с идентификацией: провал в роли родителя и чувство вины, которое героини пытаются преодолеть рождением здоровых детей в новом браке и «забыванием» больного ребенка, а также невыполнение матерью и отцом ребенка с аутизмом их супружеских ролей ввиду психо-

логической заикленности матери на ребенке и постоянной физической и моральной усталости. Дж. Пиколт констатирует уход отца Джейкоба как факт далекого прошлого, уже настолько привычный для всех членов семьи, что практически перестает переживаться и загоняется куда-то в подсознание. Однако автор сомневается, что «забывание» может стать решением проблемы взаимоотношений.

В разгар суда над Джейкобом возвращается Генри, также не выдержавший давления непроработанной психологической травмы и решившийся пережить тяжелый процесс со своей первой семьей. Его возвращение становится залогом обретения истины. Семантика мотива поиска истины актуальна на двух уровнях: в буквальном, сюжетном значении необходимо выяснить, кто убил Джесс, в метафорическом – обрести свое истинное Я. Пути к обеим истинам тождественны друг другу и проходят через осознание себя в Другом, так как модус подлинного общения возможен и в ситуации смерти: мы еще способны любить умерших, думать о них, заботиться о них. По Левинасу, смерть требует от нас наивысшего проявления любви и ответственности по отношению к Другому, потому что это момент его наибольшей слабости и потребности в заботе [11, с. 152]. В ракурсе отношений Я и Другого забота Джейкоба о Джесс после ее смерти абсолютно естественна. Полицейские и присяжные, не вовлеченные в подлинное общение и прельщенные псевдоясностью сфальсифицированных улик, видят нечто монструозное в том, что Джейкоб одел мертвую Джесс, перенес ее тело под мост, усадил, накрыл своим одеялом, специально для этого принесенным из дома, положил в карман ее куртки неосторожно выбитый и завернутый в салфетку зуб. Для них набор этих действий является свидетельством помешательства и вины Джейкоба, тогда как для подростка это проявление любви и ответственности по отношению к значимому Другому.

Анализ отношений между Эммой и Джейкобом, Генри и сыновьями, Эммой и Оливером, Джейкобом и Джесс доказывает, что реализация отношений «Я – Другой» в «Домашних правилах» происходит в терминах не противопоставления, а соотнесения, соположения и взаимодополнения. На реализации взаимодополнения Я и Другого построена развязка сюжета, на мотивном уровне определяемая нами как «поиск истины». Завязкой служит убийство Джесс при обстоятельствах, позволяющих выдвинуть Джейкобу обвинение в убийстве. Справедливость обвинения подросток не оспаривает в силу своего своеобразного видения мира. С одной стороны, он увлечен криминалистикой и находит весь процесс интересным. Джейкоб ведет некую игру, в которой правосудие и семья должны правильно интерпретировать сфабрикованные им улики, разгадать его загадки и выйти на истинное положение дел, т.е. понимание его невиновности. С другой стороны, Джейкоб пытается защитить младшего брата Тео, которого считает настоящим убийцей и чьи следы пребывания на месте преступления

тщательно уничтожает. Парадокс заключается в том, что Джейкоб как аутист никогда не врет (эта информация постоянно повторяется на суде), но никто не догадывается задать прямой вопрос, убил ли подросток Джесс. На протяжении всего романа люди, привыкшие к тому, что любой может соврать в своих интересах, относятся к его показаниям с предвзятостью и ищут правду в сфабрикованных уликах. И единственный шанс на справедливость – переход к подлинному общению с ребенком-аутистом и друг с другом.

Абсолютных значений градус отношений Я к Другому достигает в паре «Джейкоб – Тео». Внутреннее напряжение и антагонистичность между подростками возникает за счет ревности друг к другу, характерной для сестер и братьев и усиленной «особенностью» Джейкоба. В то время как старшему достается все внимание матери, Тео чувствует себя никому не нужным и нелюбимым. Он пытается заполнить пустоту симулякрами, проникая в чужие дома в отсутствие хозяев и проживая чужие жизни. На протяжении часа – двух Тео лежит на чужих кроватях, смотрит чужие видео, пробует еду из чужих холодильников, рисуя в своем воображении картины жизни чужой, более счастливой, «нормальной» семьи. Тем не менее, деструктивно выраженная чувствительность Тео к чужому есть все та же способность познания себя в Другом. Тео демонстрирует эту способность в более высокой степени, чем другие герои. Именно в отношениях «Джейкоб – Тео» лежит неочевидное решение проблемы идентичности, подлинного общения и установления истины. Единственным условием является смена полярности своего отношения к себе через Другого, и однажды Тео уже сделал этот шаг в отношении к матери:

Я смотрю на маму и тут замечаю, что она плачет. Слезы катятся по ее щекам, а она даже не пытается их вытереть. <...> В то мгновение я почувствовал, как мир для меня перевернулся. Плакать должны дети, а мамы их успокаивать – не наоборот. Именно поэтому матери горы сворачивают, чтобы дети не видели их слез. И тогда я решил: если мама плачет из-за Джейкоба, успокоить ее должен я [6]. В критический – ответственный – момент Тео удается сделать шаг и навстречу брату.

Джоди Пиколт формулирует основную мысль книги в виде правила, вывешенного мамой на холодильнике: *Заботиться о брате; он единственный, кто у тебя есть.* Это последнее, пятое, правило идет сразу за *Не опаздывай в школу* и первую половину книги выглядит насмешкой над сложной жизнью маленькой семьи. А потом Джейкоб простодушно объясняет, что все улики он сфальсифицировал, чтобы скрыть присутствие брата в доме убитой, и вопрос об отсутствии эмпатии у аутистов получает новый ответ, а ключевое слово романа «правило» становится синонимично левинасовскому «закону»: «Подчинение закону, которое заставляет Эго быть

в ответе за другого, возможно, носит горькое имя любви. Любовь, в данном случае, не имеет ничего общего со словом, давно скомпрометированным нашей литературой и нашим лицемерием, скорее это – сама подлинность в достижении единичного и, следовательно, абсолютно другого, который просто показывает себя, другими словами, остается “индивидом рода”. Любовь здесь означает целостный порядок или беспорядок психического или субъективного, которое отныне перестает быть хаосом произвольности, чей онтологический смысл давно утрачен и превращается в необходимое условие прояснения логической категории “единичного” вне границ разведения индивидуального и всеобщего» [11, с. 158]. Мотивы Тео и Джейкоба, понимаемые через призму высказывания Левинаса, апеллируют к золотому правилу нравственности.

В этическом пространстве романов «Домашние правила», «Загадочное ночное убийство собаки» и «Мальчик, который упал на Землю» любовь понимается не только как эмпатия, но как ответственность, есть то подлинное чувство, которое проявляется по отношению к Другому без ожидания ответной тождественной реакции, что есть решение основного парадокса проблемного романа о людях с аутизмом. Любовь как ответственность приводит не только к нахождению себя в Другом, но и к возможности Я воспринимать и быть воспринятым в Другом.

Итак, этическое поле доминирует в жанре проблемного подростково-молодежного романа над детективной сюжетной линией. Во всех рассмотренных произведениях особенности мышления, восприятия и поведения героя являются триггером последующих событий, стартовой точкой разнообразных конфликтов, тогда как движущей силой сюжета становится преодоление взаимоотталкивания внутри всех обозначенных дихотомий. Загадочные убийства разрешаются нетривиальным для детектива способом открытого диалога с подозреваемым, а внимание читателя сконцентрировано все же на разрешении проблемы общения в условиях десоциализации ребенка с аутизмом. Авторы романов о людях с расстройством аутистического спектра показывают, что решением коммуникативной проблемы может стать только любовь (равно ответственность, эмпатия и забота), проявленная по отношению к нему без ожидания ответной тождественной реакции и открывающая возможность Я воспринимать и быть воспринятым в Другом.

Проследив развитие образа подростка в терминологии теории инаковости, можно констатировать, во-первых, смещение фокуса в определении Другого: если в середине XX в. дружба определялась социальным статусом, в конце XX в. – наличием ярких индивидуальных черт, то в XXI в. Другой рассматривается через оппозицию «норма – отклонение от нормы». Во-вторых, очевидно, что в паре «нормальность – ненормальность» ни один из членов не имеет постоянной положительной или негативной коннотации и что значе-

ние понятия *ненормальность* прошло путь от ‘сверхспособный, талантливый, уникальный, крутой, не понятый обществом’ до ‘неспособный, лишенный, обделенный’, при этом оба значения в определенный период развития жанра видятся авторам романа как предпочтительные для протагониста и, следовательно, в некотором, смысле предпочтительные в социуме. В-третьих, внимание авторов переносится с протагониста самого по себе на взаимоотношения между разными героями. Эти отношения, как мы увидели, могут выстраиваться по принципу признания инаковости Я и/или Другого, что свидетельствует о высокой значимости этической составляющей произведений.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Curwood, J. S. Redefining Normal: A Critical Analysis of (Dis)ability in Young adult Literature / J. S. Curwood // Childrens Literature in education. – 2013. – Vol. 44, iss. 1. – P. 15–28.*
2. *Минина, В. Г. Сохранение голоса рассказчика в переводе (на материале романа М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки») / В. Г. Минина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29–30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 177–182.*
3. *Половцев, Д. О. Герои романов М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» и К. Летт «Мальчик, который упал на Землю»: сопоставительный аспект / Д. О. Половцев // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29–30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 182–185.*
4. *Половцев, Д. О. Герой в романе К. Летт «Мальчик, который упал на Землю» [Электронный ресурс] / Д. О. Половцев, Д. И. Монастырская // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 26–27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 689–696.*
5. *Kokkova, L. The Embodied Child : An Introduction / L. Kokkova // The Embodied Child: Reading in Children’s Literature and Culture; ed. by R. Harde, L. Kokkola. – New York; London : Routledge, Taylor and Francis Group, 2018. – P. 1–21.*

6. *Picoult, J.* House Rules [Electronic resource] / J. Picoult. – Hodder & Stoughton, 2010.– 532 p. – Mode of access : <https://booksvoooks.com/house-rules-pdf-jodi-picoult.html>. – Date of access : 02.04.2022.
7. *Lette, K.* The Boy Who Fell on Earth / K. Lette. – London : Penguin eBooks, 2021. – 274 p.
8. *Грицанов, А. А.* Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
9. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 2003. – 416 с.
10. *Haddon, M.* The Curious Incident of the Dog in the Night-Time / M. Haddon. – London, 2004. – 271 p. – Kindle edition.
11. *Левинас, Э.* Диахронизация и репрезентация / Э. Левинас // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 142–162.

Поступила в редакцию 19.12.2022